

© 1994 г. В.Б. КРЫСЬКО

ЗАМЕТКИ О ДРЕВНЕНОВГОРОДСКОМ ДИАЛЕКТЕ

(I. ПАЛАТАЛИЗАЦИЯ)

Наука всегда оказывается неправа. Она никогда не решает вопроса, не поставив при этом десятка новых.

Б Шоу

1. Вот уже более десяти лет, со времени появления первых пионерских работ А.А. Зализняка, посвященных реинтерпретации берестяных грамот, древненовгородский диалект находится в центре внимания историков русского языка в нашей стране и за рубежом. Вполне естественно, что все исследования 80–90-х гг., так или иначе затрагивающие новгородскую проблематику, во многом опираются на труды ведущего специалиста в этой области. Настоящая статья – не исключение. Поводом к ее написанию послужило издание очередного тома новгородских берестяных грамот [1]¹, которое включает, помимо образцовой публикации вновь обнаруженных текстов, подготовленной В.Л. Яниным, большой лингвистический раздел, написанный А.А. Зализняком. Впрочем, некоторые идеи и факты, нашедшие отражение в данной монографии, уже были обнародованы в предшествующих работах ученого, и поэтому заметки, предлагаемые сейчас вниманию читателей, не являются рецензией на только что вышедший том, но представляют собой попытку обобщения наших уже достаточно длительных наблюдений и размышлений по различным вопросам "новгородистики" – разумеется, инициированных и стимулированных изысканиями А.А. Зализняка и получивших относительно систематизированную форму именно после ознакомления с новейшим, стройным и последовательным изложением их результатов, которое по сути дела является концентрированным описанием фонетико-фонологической системы и морфологического строя древненовгородского диалекта. Не будет преувеличением утверждать, что благодаря изданию девятого тома берестяных грамот историческая русистика обогатилась ценнейшим исследованием, которое имеет выдающееся значение не только для описания древненовгородского диалекта, но и для изучения древнерусского языка в целом. Более того, правомерно было бы отметить, что труд А.А. Зализняка является образцом описательной грамматики древнерусского языка, хотя и построенной преимущественно на материале одного диалекта. Особенно примечательны в данном аспекте главы, скромно названные "Из орфографии", "Из исторической фонетики", "Из грамматики", "Из лексики": этюды, напечатанные под этими рубриками, без сомнения, представляют собой открытия первостепенной важности – будь то установление идеографического принципа написаний типа *о.и.и.* (т.е. *осмьнадесяте*) и *огда* (*оспода*), исчерпывающее описание процесса падения редуцированных, исследование способов выражения принадлежности или определение семантики слова *подълина* "подклада". Обращение к древненовгородскому материалу,

¹ Ссылки на это издание приводятся в тексте в круглых скобках

как впервые публикуемому, так и давно известному, но лишь теперь нашедшему адекватную интерпретацию, позволяет по-новому взглянуть на целый ряд традиционных постулатов исторической грамматики: так, например, выводы относительно новгородского перехода [ѣо] > [а], типа *сарати* < *сьорати*, *к атцеви* < *къ отьцеви* и др. (с. 260–262), ставят под сомнение такой классический "первый" пример аканья, как *въ апустѣвиши земли* (Сийское евангелие 1339 г.), а филигранный анализ энклитик, проведенный на базе берестяных и ранних пергаменных грамот, древнейших списков "Русской Правды" и записей прямой речи персонажей в Киевской летописи, дает основания коренным образом пересмотреть бытующие в науке иллюзорные взгляды относительно свободного порядка слов в древнерусском языке. Глубоко новаторским как по материалу, так и по теоретическому обоснованию является этюд о презенсе совершенного вида в значении "презенса напрасного ожидания" – т.е. о конструкциях типа *веериць ми не присъ леи* и "не присылаешь мне денег" (с. 275–278).

Особой оценки заслуживает многолетний неустанный труд А.А. Зализняка по реинтерпретации ранее изданных берестяных грамот, в результате которого еще 150 грамот из числа опубликованных ранее получили новое либо уточненное толкование. Достаточно упомянуть такие сюжеты, давно являющиеся предметом дискуссий, как объяснение словосочетания *избивъ роуки* в грамоте № 9, для которого сейчас предлагается убедительный перевод – "ударив по рукам (т.е. совершив помолвку)" (с. 126–127), удовлетворительный словораздел написания *вашь Нетребуи дѣакъ* в грамоте № 307 (с. 152), устранение загадочного имени *Селоана* в грамоте № 359 и замена его более простым чтением – *село а на* (далее – *вхыхъ се грозитьце*). Сотрудничество лингвиста и археологов-реставраторов сделало возможным прочтение дополнительных букв, слов и даже строк в грамотах № 68, 82, 112, 218, 227, 235, 240, 266, 400 и мн.др., что существенно расширяет источниковедческую базу палеорусистики и проясняет многие проблемы: в частности, уточнение текста грамоты № 351 пополнило список форм без второй и третьей палатализаций (*кьль, вохъ*); бессмысленная фраза *а оу даних с доубоници*, читавшаяся издателями в псковской грамоте № 4, получает теперь вполне приемлемый вид и смысл: *а оу Данихе доубеници* "у Данихи – рукавицы" (с. 179).

Множество глубоких, тонких и бесспорных наблюдений в очередной раз подтверждают высочайший уровень текстологических разысканий А.А. Зализняка как ведущего интерпретатора древнерусских текстов. Хотелось бы подчеркнуть, что теперь, когда значительная часть берестяных грамот благодаря прежде всего трудам В.Л. Янина и А.А. Зализняка читается и трактуется существенно отлично от первых публикаций, представляется исключительно важным и своевременным исправленное и дополненное переиздание первых семи томов "Новгородских грамот на бересте", имеющих далеко не во всех научных библиотеках и, как мы убеждаемся с каждым новым выпуском, отнюдь не свободных от ошибок.

Перечисление многообразных достоинств последнего издания берестяных грамот можно было бы продолжать и продолжать. Однако в настоящей статье мы не ставили перед собой задачи реферирования и тем более рекламирования нового лингвистического исследования А.А. Зализняка: выдающаяся роль ученого в современной исторической русистике настолько очевидна, что любой уважающий себя славист непременно обратится к его новому труду вне зависимости от наличия рецензий. Наша цель более конструктивна – наметить те проблемы, трактовка которых в книге кажется неоднозначной, и в ряде случаев дополнить приведенный материал фактами, отчасти, возможно, проливающими новый свет на анализируемые явления.

2. Доказывая особое положение древненовгородского диалекта среди других славянских языков и диалектов, А.А. Зализняк выделил целый ряд явлений, действительно характерных только либо преимущественно для новгородско-псковских памятников и говоров.

В частности, новые факты дополнительно подтверждают отсутствие в древненовгородском диалекте второй палатализации (ДП² [кѣ те]тъке ГрБ № 635³, МП въ друугомо 686, ИП дв.ч. бльстѣкѣ 660 и нек. др. – с. 195). Трудно, однако, согласиться с отнесением к сфере второй палатализации форм "с вторичным -ѣ" – РП ед.ч. типа о(т) Нѣжеке (-кѣ) 644, ВП мн.ч. типа во три колотокѣ 644 и уподобившегося аккузативу ИП типа оперьсникѣ 648, вохе 670: рассматривая эти новообразования на фоне соответствующих форм мягких вариантов склонения (РП землѣ, ВП конѣ, моѣ), правомерно заключить, что они возникли под влиянием *jā- и *jo-основ, а не искать для каждого из них свой особый источник (например, Д–МП ед.ч. *ā-склонения или И–ВП дв.ч. типа женѣ, селѣ, очевидно нерелевантный для мн.ч. муж. рода). Но, устанавливая для форм на -ѣ в твердых разновидностях соотносительность с мягкими, мы можем прийти только к одному выводу: (-ѣ) в этих формах заимствовано из (-ѣ) мягкого варианта, который генетически восходит не к дифтонгу, а к *ē (ВП мн.ч. *konjons > *konjens > *konjēn > *kon'ē > *kon'ě) [3, с. 180; 4], – и, следовательно, в строгом смысле слова не может быть условием второй палатализации, трактуемой как изменение заднеязычных в мягкие свистящие в позиции перед *ē₂ и *i₂ дифтонгического происхождения. Вероятно, в письменный период для носителей древненовгородского диалекта различный генезис *ē₁ и *ē₂, совпавших в едином (ѣ), уже не был существенным, но именно это безразличие показывает, что переходное смягчение заднеязычных в данном диалекте не осуществлялось перед любыми гласными переднего ряда, независимо от их происхождения, – однако, разумеется, только в тех случаях, если палатализация не произошла еще до обособления "прановгородских" говоров (как это было, например, в формах типа жена, чѣто, шѣла и т.п., сохранявших праславянский рефлекс первой палатализации). В тех же новых морфонологических позициях, которые отсутствовали в праславянскую эпоху и образовались лишь в период распада праславянской общности или даже в послепраславянский период ("nachurslavisch" [5, с. 15]), – перед -ѣ и -и дифтонгического происхождения (позиция II палатализации) – либо уже в результате собственно новгородских морфонологических процессов межпарадигмального взаимодействия – перед -е в ИП ед.ч. муж. рода *o-склонения и перед -ѣ в РП ед.ч. *ā-склонения, И–ВП мн.ч. *ā-склонения, ВП и затем ИП мн.ч. *o-склонения (позиция I палатализации) – заднеязычные, судя по всему, не подвергались изменению. Переходное смягчение не осуществлялось и в заимствованиях: так, например, фин. *kirstu* передается в севернорусских говорах формой *керста* < *кърста*, "при чем, – как писал А.Л. Погодин, – поражает отсутствие смягчения" [6]. В этой связи особенно показательны два варианта названия озера Селигер в основе которого лежит форма типа фин. *Särkijärvi*, эст. *Särgjärvi* [7]: в новгородских источниках оно фигурирует в виде *Серегѣрь* (ГрБ № 526, ЛН XIII–XIV, 125), тогда как в местной, неновгородской (тверской) топонимике представлено формой *Селижар*, реконструируемой "на основании названия речки *Селижаровки* или *Селижар* (выходящей из Селигера и впадающей в Волгу) и названия посада *Селижарова* (при впадении Селижаровки в Волгу)" [8, с. 5]. По всей вероятности, эта вариативность обусловлена не

² В статье приняты сокращенные обозначения падежей: ИП – именительный, РП – родительный, ДП – дательный, ВП – винительный, ТП – творительный, МП – местный, Зв. – звательная форма

³ Сокращенные обозначения древнерусских источников приводятся по изданию [2]. Дополнительно используются следующие сокращения: ПГ – *Марасинова Л.М.* Новые псковские грамоты XIV–XV веков. М., 1966; ПП – Псковская первая летопись // Псковские летописи. Вып. I. М.: Л., 1941; ППП – Псковская третья летопись // Псковские летописи. Вып. II. М., 1955, ППК – Псков и его природы. Кн. I. Писцовая книга по Пскову и его пригородам XVI в. // Сб. Моск. архива Мин-ва юстиции. Т. 5. М., 1913, ТФ – *Tonnes Fenne's Low German manual of spoken Russian, Pskov 1607.* V. II. Copenhagen, 1970

двухэтапным заимствованием топонима ("в глубине" общеславянского периода, до первой палатализации, и "значительно позже, когда завершилось не только первое, но и второе смягчение гортанных" [8, с. 7]), а различной рефлексацией *g перед *ě у кривичей и у их соседей: в то время как предки псковичей и новгородцев, придя в район Селигера, восприняли новое название с сохранением заднеязычного, другие восточные славяне, для которых первая палатализация перед *ě < *ē по-прежнему имела статус живого фонетического преобразования, закономерно заменили *g шипящим. Признание фонетического, а не морфонологического характера данного изменения связано, на наш взгляд, с двумя обстоятельствами. Во-первых, представляется несомненным различие *ě₁ и *ě₂ в описываемую эпоху: если бы они совпали, то восточнославянские диалекты, бесспорно знавшие вторую палатализацию, изменили бы *g в *dz' > *z'. Во-вторых, квалификация перехода заднеязычного в шипящий как актуального фонетического процесса предполагает отсутствие "диспалатализации" *ě (т.е. *ě > *a), которая, как указывал Г.А. Ильинский [3, с. 136], "лежит уже за пределами существования прасл(авянского) яз(ыка)"; поздняя хронология, по мнению ученого, явствует из употребления звука [ě], а не [a] на месте *ě₁ в позиции после шипящих в литовских заимствованиях: *čẽsas* ~ *часть*, *čẽrai* ~ *чары*, *šẽstii* ~ *шастать*, ср. также фин. *sääli* ~ *жалъ*. Тем самым становится весьма правдоподобным вывод о том, что в большинстве (восточно)славянских говоров в период после распада праславянского языка параллельно действовали фонетические законы I и II палатализаций, тогда как в прановгородском ареале позднепраславянский процесс II палатализации вообще не развился, а давний общеславянский процесс I палатализации перестал действовать и сохранился лишь в унаследованной лексике и в автоматически воспроизводимых позициях на стыке морфем (типа *ладожьскыи*, ср. позднейшие русские слова типа *петербуржец*, *барочный*). Проблематичным остается вопрос о явно праславянских позициях перед -е в вокативе и перед суффиксом -ин-. Очевидно, что в унаследованных из праславянского образованиях типа Зв. **Milъce* (от **Milъko*) или притяжательных прилагательных типа **mačešinъ*, **Neděl'bcinъ* шипящие должны были в древненовгородском сохраняться. Столь же несомненно, однако, что в берестяных грамотах подобные формы не зафиксированы. Следовательно, еще в дописьменную эпоху эффект первой палатализации был здесь устранен (см. с. 211, 226). Иначе обстоит дело с заимствованными именами и их дериватами: ко времени появления в новгородской речи слов типа *Марко*, *архистратигъ*, *Федька*, *Настька* и т.п. наличие заднеязычного перед [e] и [и] (в вокативе и притяжательных прилагательных) уже стало нормой – и потому говорить о выравнивании основы в этих случаях, по-видимому, значило бы объединять хронологически достаточно далекие явления – аналогическую замену шипящего заднеязычным в исконно славянской лексике и автоматическое воспроизведение имеющейся модели, не предусматривающей чередования, в новых образованиях.

Таким образом, древненовгородские отклонения от общеславянских рефлексов в формах типа ИП ед.ч. *замъке*, *въхе*, РП *оувѣдкѣ*, ИП мн.ч. *золотьникѣ*, МП ед.ч. *на Лоугѣ*, ИП мн.ч. *въжники*, 2-го л. ед.ч. повел. накл. *моги* etc. представляют собой логическое следствие неактуальности для соответствующих говоров фонетических процессов I и II палатализаций, между тем как формы типа вокатива *Марке* или прилагательного *Настокине* отражают иницированную предшествующим феноменом весьма раннюю утрату генетически праславянского эффекта. Причина указанного своеобразия древненовгородского диалекта состоит, как можно полагать, в том, что смягчение согласных перед гласными переднего ряда имело здесь менее продвинутый характер по сравнению с другими славянскими диалектами, ср. симптоматичное колебание между *кы* и *ки* в берестяной грамоте № 13 из Старой Руссы (XI в.): *Нежатъкины*, где *ы* исправлено на *и* (с. 226), – указывающее, очевидно, на

произношение соответствующего слога как [ки] – с твердым [к] (ср. [9, с. 15]), и нередкое смешение *и* и *ы* (т.е., собственно, [ti] и [ty]) в псковских памятниках, типа *риби* "рыбы" ГрБ № 99.

3. В исследовании А.А. Зализняка (с. 197–198) приведены также новые примеры, свидетельствующие об отсутствии третьей палатализации для фонемы ⟨х⟩ (в слове "весь"). В связи с данной проблематикой кажется небесполезным ввести в научный оборот два примера из памятников, демонстрирующие отсутствие перехода [г] > [з'] в корне -*льг*-. *полга* есть почитати стья книги Парем XIV (2), 1, приписка XIV–XV вв.; *нелга* Полоцк. гр., 161, 1446 г. Думается, что с учетом зафиксированных еще А.А. Потебней украинской формы *пільга*, а также русской и белорусской диалектных форм *стега́* (кур., пск.), *сцяга́* (витеб.) vs. литературного (очевидно, церковно-славянского) *стѣзѧ* [10, с. 6] эти факты можно истолковать как аргумент в пользу (или, если угодно, "в пользу") того, что по крайней мере на части восточнославянской территории, не ограниченной исключительно кривичскими по происхождению говорами, третья палатализация осуществлялась гораздо менее последовательно, чем, например, у южных славян – иными словами, во всяком случае для древненовгородского диалекта данное явление можно было бы не сужать до корня *вѣх*- (ср. [9, с. 54]). Допустимо предположить, что в своем развитии бодуэновская палатализация прошла две стадии: затронув, несомненно, еще в праславянский период сочетания **t̃* с последующим **k*, она вступила во вторую стадию только после осуществления так называемой второй палатализации, распространившись – при сохранении "прогрессивной" ориентации на предшествующие звуки, связанные по происхождению с **t̃*, – на те слова, в парадигме которых уже возникли мягкие свистящие перед **ě*₂ и **i*₂ (например, **polьga* > **polьz'a* под влиянием Д-МП **polьz'ě*). Как и всякое морфонологическое изменение, второй этап третьей палатализации проходил непоследовательно: в одних диалектах формы, не подвергавшиеся второй палатализации и имевшие после заднеязычных лабиальный элемент [11] (например, РП **polьgy*), воспрепятствовали смягчению, в других, напротив, произошло обобщение свистящего на всю парадигму, на дериваты и даже на целые классы лексем (ср. ст.-слав. императивы типа *рьци*, *стризи*, *лаци* и многочисленные образования типа *нарицати*, *постризати*, *налацати*, а также, по аналогии, *навыцати* – без предшествующего **t̃* [12, с. 133–134]). Естественно заключить, что в древненовгородском диалекте, не знавшем второго переходного смягчения, завершающий этап прогрессивной палатализации закономерно не имел места – и не только в корнях *вѣх*-, *льг*- и *стѣг*-, но и в германских заимствованиях *варягъ*, *кълбѣгъ*, *щѣлягъ* (или, вероятнее, *скѣлягъ*) и во всех других относящихся сюда случаях (см. [13, с. 529–530]).

4. Предполагается, что особую историю в древненовгородском диалекте имели и некоторые сочетания, подвергавшиеся йотовой палатализации. Согласно "убедительной" – по мнению А.А. Зализняка (с. 200) – гипотезе С.Л. Николаева для древнекривичских говоров реконструируется развитие **tj* > **k'*, а **dj* > **g'* [14, с. 137], отражающее "не что иное, как древнейшее состояние той же системы, которая характеризует западнославянские языки" (с. 200). Известно, однако, что у западных славян **tj* перешло в [с], а **dj* – в [з] ([dz]) > [z] (польск. *świeca*, *miedza*, чеш. *svíce*, *meze*). При всей дискуссионности вопроса о деталях этого процесса – вопроса, который, по определению Г.А. Ильинского, "...принадлежит к числу труднейших проблем в слав(янской) фонетике" [3, с. 250], наиболее правдоподобным по-прежнему остается, на наш взгляд, объяснение А. Лескина, предполагавшего здесь смягчение зубного с последующей аффрикатизацией и отвердением: **tj* > **t'* > **t'š* > с [15, с. 38]. Очевидно, что указанные кривичские и западнославянские рефлексy трудно рассматривать как последовательные этапы одного и того же процесса. Явная параллель постулируемому кривичскому рефлексу существует, однако, в восточносербских диалектах и – возможно, в результате заимствования из них [16] (иначе – [5, с. 49]) – в

северномакедонских говорах и литературном македонском, ср. макед. *свеќа*, *меѓа*. Сложность заключается в том, что мягкие заднеязычные в упомянутом ареале, вероятнее всего, являются континуантами мягких дентальных [5, с. 49], тогда как для псковского диалекта декларируется и з н а ч а л ь н ы й переход йотовых сочетаний в [к'] и [г'].

Естественно было бы ожидать, что столь древняя кривичская инновация, отождествившая «рефлексы *tj и *dj с k и g, находящимися "в позиции второй палатализации"» (с. 200), найдет заметное отражение в берестяных грамотах, которые так обильно репрезентируют отсутствие второй палатализации. Вопреки ожиданиям, однако, древнерусские тексты не предоставляли до сих пор ни одного примера типа *хоку, *хогу, *отвѣкати или *рагати, да и в памятниках среднерусского периода подобные формы изредка фиксируются, как полагают, лишь со второй половины XVI в.: *соустрѣкали* ПЛ, 74 (2 раза), *сустрѣкали* 81, *примека(т)* (Т. Фенне, 179 [14, с. 137]).

Лишь для одной позиции А.А. Зализняк констатирует "значительное распространение" (с. 200) кривичских рефлексов *dj и *tj – а именно для сочетаний *zdj и *stj, дающих в кривичском диалекте соответственно [ж'г'] и [ш'к']. Для первой консонантной группы новгородские и псковские рукописи уже с XI в., действительно, неоднократно демонстрируют написание типа *пригважгаема* [17, с. 35], *пригвожгъше*, *пригважгя*, *яжжение* [18, с. 120, 126, 134], *недоезгя*, *наезгати*, *сѣзгався*, *по(д)езгя(а)* [19, с. 85] и т.п. (см. [18, с. 130, 137; 19, с. 137, 141, 146]). Однако таким же образом, через жг, обозначается в текстах и рефлекс *zgj (*дѣжгъ*, *одѣжги*, *одѣжгають*, *неодожгяеми* и т.п.; *дрожгя* [20, с. 30]), а также группы согласных, отнюдь не восходящие к йотовым сочетаниям, но возникающие на границе приставки с конечным <з> и корня с начальным <ж> либо на стыке корня с конечным <зг> и суффикса -ь-, т.е. при соединении <з> и <ж>, образующегося по первой палатализации: *ражгизаємъ*, *въжгелѣ*, *рожгъгъ* (<роз-жъгъ>) [21], *рожгья* (<*orzg-ьj-e>) [18, с. 120, 130] и т.д. Конечно, странно было бы думать, что из сочетания [з+ж'] непосредственно образовывалось [ж'г']; вряд ли следует также ad hoc допускать неосуществление первой палатализации в праславянском *zg' – что оставляло бы необъяснимым изменение *z > *ž; гораздо более логично предположить ассимиляцию свистящего шипящему – видимо, в качестве автоматически воспроизводимого морфонологического эффекта, повторяющего давнюю, праславянскую рефлексацию *g' в виде *d'z': *zd'ž' > *ž'd'ž' и [з+ж'] > [ж'д'ж'] (см. [5, с. 47]). Тем самым букву г в сочетании жг можно было бы признать вынужденным – при отсутствии специальной графемы – эквивалентом [д'ж'] (или уже аффрикаты [д̥ж']). Но в этом случае остался бы необъясненным факт совершенно иного обозначения указанного звука в южно- и западнорусских памятниках, которые уже с XII–XIII вв. передают [д̥ж'], возникавший на стыке префикса (предлога) и корня, а также корня и суффикса, посредством ч, позднее дч: *ижченуться*, *въжчелѣшиа*, *ижчивете*, *ражчизати*, *рожчье*, даже *беж чены* ("без жены"); так же, с помощью жч–ждч, обозначаются и рефлексы *zdj (*пригвожченъ*, *наѣждчати*, *приеждчые* [17, с. 37–38] и *zgj (*дожчъ*, *одѣжчи*, *изможчаньемъ* [18, с. 25, 45, 58])⁴. Вряд ли будет правильным объяснять это отличие только разницей орфографических норм новгородской и галицко-волинской (resp. западнорусской) книжности; очевидно, за написаниями жч и жг, изначально противопоставленными церковнославянскому жд, стояли разные фонетические сущности. На юге и западе буква ч использовалась для обозначения [д̥ж'] именно потому, что аффриката [ч], обычно ею выражаемая, была коррелятивно наиболее близка к звонкому согласному,

⁴ Написание жч sporadически фиксируется в новгородских рукописях: *дѣжчѣвнымъ*, *пригвожчено*, *ижченоу(т)* [22], *дожча* [20, с. 62], однако ввиду уникальности этих примеров допустимо считать их восходящими к южнорусской традиции.

образовывавшемся в соответствующих говорах на стыке морфем (ср. [23, с. 104]). На севере же фонетическим прототипом буквы *г* в сочетании *жг*, скорее всего, был звук не фрикативный, вследствие чего он и обозначался графемой, предназначенной для взрывного. Что же это был за звук?

Весьма правдоподобной представляется гипотеза А.М. Селищева, согласно которой написанием *жг* "...передавалось заднепалатальное *žd'* (с палатальным затвором, а не с фрикацией *j*; в акустическом отношении такое *d'* близко к *g*)" [24, с. 36]⁵. Тот факт, что для обозначения данного сочетания, возникшего в результате упрощения группы [ж'д'ж'], стала употребляться новая графема, вытеснявшая давний и, казалось бы, вполне адекватный старославянский диграф *жд*, находит объяснение в двух обстоятельствах. Во-первых, "...памятники как ю(жно)сл(авянского), так и русского письма, в том числе и те, которые имеют... *жг*, указывают на то, что в XI в. *d'* в сочетании *žd'* в ю.-сл., по крайней мере в большинстве говоров, отвердело" [26, с. 37], – а следовательно, написания типа *приѣждати* не передавали бы палатального [д']. Во-вторых, гиперкорректные формы типа *дръждаливый* (вместо *дръжаливыи*), *длъжденъ* (вместо *длъженъ*) убедительно доказывает, что написание *жд* в ранних русских рукописях "...было чисто орфографическим, и ему соответствовало произношение с [ž]" [23, с. 103] (ср. [26, с. 40]). Таким образом, древнерусские писцы могли более или менее точно выразить собственное произношение рефлексов **zg'*, **zdj* и **zgj* с мягкой аффрикатой ([ж'д'ж']) или мягким взрывным ([ж'д']) либо посредством малораспространенных диакритик⁶, либо с помощью особых графем. Ввиду взрывного характера второго элемента консонантной группы в северных говорах новгородские писцы оказывались перед необходимостью обозначать соответствующий звук через *г*, чему, несомненно, способствовала значительная фонетическая близость [д'] и [г']. Чтением *г* как [д'] обуславливалась, можно полагать, и спорадически встречающаяся в Новгородских служебных минеях конца XI в. замена буквы *д* на *г* в сочетании *жд* (**dj*), которое бесспорно присутствовало в южнославянских протографах миней: *прѣжге*, *рождение*, *побѣженъ* [23, с. 105], *тоужгаго* [21]; вероятно, такое написание в представлении древнерусских писцов лучше соответствовало правильному, исконному произношению старославянского рефлекса **dj* (совпадавшему с новгородским произношением рефлекса **zdj* и т.д.), нежели диграф *жд*, который в XI в. уже служил для передачи [ж'д] с твердым [д] либо вообще произносился как [ж']⁷.

Сформулированные положения, однако, ни в коем случае не должны распространяться на тексты, написанные в конце XIV–XVI вв., в условиях так называемого второго южнославянского влияния. В это время чтение *жд* как [жд], и не только для рефлекса **dj*, но и для **zdj*, **zgj*, **zg'*, "входит в норму книжного произношения" [23, с. 250] – и тем самым псковско-новгородское произношение типа *до[жд']и*, *ро[жд']и*е совпадает с соответствующим книжным произношением в позиции перед гласными переднего ряда. При таких обстоятельствах неудивительно, что в некоторых псковских рукописях XV в., изобилующих диалектными чертами, в указанных позициях последовательно употребляется *жд* вместо *жг* [19, с. 34, 57].

Итак, написание *жг* в соответствии со старославянским *жд* и южнорусским *жч* на месте праславянских **zg'*, **zgj*, **dj*, очевидно, передавало в древненовгородских

⁵ Ср. также замечание Л.Л. Васильева: "...в *иждену* и *дождь* можно видеть и русизм: многие великорусские говоры знают *жд* мягкое на месте двойного *ж'ж'*" [25].

⁶ Ср. использование значка мягкости при передаче форм *дъждѣ*, *пригвождѣны*, *въждѣлахъ* в Выголексинском сборнике XII в. [23, с. 104], а также "окказиональное обозначение" палатального [д'] в Мстиславовом евангелии начала XII в., *икѣноу, жажѣть, въждѣшиа* и др. [27], отражающее распространение русского произношения рефлекса **žg'* на церковнославянский рефлекс **dj*.

⁷ Менее правдоподобной кажется возможная гипотеза о контаминации в новгородских написаниях *прѣжге* и т.п. книжного ([ж']) и живого ([д']) произношения рефлекса **dj*.

источниках результат упрощения общеславянского рефлекса данных консонантных групп: [ж'д'ж'] > [ж'д']. Наследием [ж'д'] в современных говорах являются, по всей вероятности, формы типа *e[ж'д']y/e[жд']y*, представленные отдельными ареалами в Новгородской, Ленинградской, Архангельской областях, и типа *до[ж'д']/до[жд']*, отмечаемые в Псковской и Новгородской областях [28, карта 52].

Для сочетания **stj*, как уже говорилось, А.А. Зализняк постулирует особый кривичский рефлекс – [ш'к']. Приходится, однако, констатировать, что подобное развитие почти не подтверждается приведенными в исследовании примерами, поскольку большинство из них демонстрирует сохранение [к'] либо в позиции первой палатализации (*Събышканица*, *Доброшькино*), либо в позиции второй палатализации (ДП моляще *дъще*, МП на *дъще* Пр 1383, 49а = [дъш'к'ѣ] < [дъск'ѣ]), либо перед [и] < [ы] (*лониши* [лон'ш'к'и] < [лон'ск'и] < [лоньск'ѣ]). Единственное исключение составляет форма *изоскърена* из псковской Типографской псалтыри № 35 XIV–XV вв., 80об [18, с. 137], восходящая к **izostrjena*. Наличие в данном случае палатализации **t*, несвойственной восточнославянскому рефлексу **strj* (ср. [29]), побуждает предположить, что это написание отражает не прямой псковский континуант праславянского йотового сочетания, а графическое выражение диалектного произношения буквы *ш'*⁸, причем последовательность *къ*, с "весьма выразительным" *ь* (с. 201), очевидно, обозначает мягкий взрывной. Характеристика данного взрывного по месту образования на первый взгляд совершенно ясна: заднеязычный. Но не будем торопиться с выводами.

Согласно А.А. Зализняку, результат, аналогичный рефлексу **stj*, – т.е. [ш'к'] – дало в псковско-новгородском ареале и сочетание **skj*. Однако подобное развитие представляется крайне необычным. Насколько мы знаем, еще никто не ставил под сомнение общеславянский характер изменения **kj*; но коль скоро **kj* перешло у всех славян (и у кривичей в том числе) в [ѣ], от группы **skj* (как и **sk'*) невозможно ожидать какого-либо иного рефлекса, помимо [ѣ'] ([ѣ'ѣ']). Учитывая, что во всех славянских языках данный рефлекс совпадает с результатом изменения группы **stj*, абсолютно параллельным рефлексу звонких консонантных сочетаний **zdj*, **zgj*, **zg'* – [ž'd'ž'], типологически корректно было бы, видимо, заключить, что и в древненовгородском диалекте континуанты указанных глухих сочетаний не различались. Но поскольку для звонких групп этот диалект очевидно демонстрирует новообразование, аналогичное старославянскому [ж'д'], естественно предположить, что сложное сочетание [ш'т'ш'] тоже упростилось на новгородско-псковской территории путем утраты конечного звука. Тем самым редкие написания с *шт*, наблюдающиеся в поздних памятниках, непосредственно не связанных с южнославянской орфографической традицией⁹, типа *сонмиште* (Типографское евангелие № 3, 15об, сер. XIV в. [19, с. 148]), могут быть истолкованы как прямые и адекватные отражения живого диалектного произношения [ш'т'] (ср. [24, с. 36])¹⁰. Симптоматично, что на современной диалектной территории формы типа

⁸ Равным образом и в форме *изъочръние* (Румянцевский сборник № 406 XV в., 31об [18, с. 21]) буква *ч* не передает рефлекса **tj*, а является русским субтитутумом церковнославянского *ш'*. Маловероятно предположение А.А. Шахматова о сербском происхождении формы *изоскърена* [30, с. 129]: сербский рефлекс **strj* – не [ш'п'] или [ш'к'п'], а [штр'] (см. [29]), ср.: *izoštrenje*, *izoštrennyje*, *izoštreno*, *izoštrena* [31].

⁹ Утверждение Б.А. Успенского, будто бы *шт* "закрепляется в северных рукописях", сохраняясь там даже после их освобождения от влияния южнославянских протографов [23, с. 109], не подтверждается фактами.

¹⁰ Форма *части* в конструкции: о(т) дѣи прозябѣсть есть, из горы хвальныя пресѣнныя части Паракл 1386, 3 [18, с. 132], вопреки неуверенному предположению А.И. Соболевского [18, с. 149], относится не к существительному *чаща*, с которым она ассоциировалась в позднем церковнославянском (см. [32]), а к прилагательному *частъ*, соответствующему греческой лексеме *δασύς* "лесистый" (*ἐξ ὄρους κατασκήνου δασέως* Ав. III, 3), ср.: пресенныя часты (Трефолой 1446 г., 50) [19, с. 173], изъ горы прѣсѣнныя часты (Хронограф 1512 г., 164, Великие Минеи Четьи, Сентябрь, Дни 1–13, 431) [сообщение А.Н. Шаламовой]. В Паракл 1386 написание *части* вм. *часты* отражает смешение *и* и *ы*, возможное как для самой псковской рукописи, так и для ее южнославянского оригинала.

я[ш'т']ик, [ш'т']ука встречаются, хотя и спорадически, именно в псковских, а также новгородских и белозерских говорах [28, карта 48].

На фоне специфических написаний с жг, обозначающих [ж'д'], не должна казаться особенно экстравагантной и передача [ш'т'] посредством *шк*. Но так же как последовательность жг могла служить и для выражения собственно [ж'г'] (в императиве жги), написание *шк* использовалось в псковско-новгородской письменности для передачи [ш'к']. Разумеется, данная функция обоих диграфов была вторичной и могла возникнуть только после падения редуцированных и изменения [ж'ьг'] > [ж'г'] и [ш'ьк'] > [ш'к']. Вместе с тем характерно, что уже со второй половины XII в. сочетание [ш'к'] начинает передаваться на письме буквой *щ*: *оу Тимоѡѣ* ГрБ № 78 [33, с. 116]. Эта новая функция графемы *щ*, усвоенная ею столь быстро, буквально в эпоху падения редуцированных, по-видимому, стала возможной потому, что уже до этого *щ* выражала консонантную группу, близкую к [ш'к'], – а такой группой, в силу особой фонетической близости [т'] и [к']¹¹, и была, как мы полагаем, [ш'т'].

Итак, к концу раннедревнерусского периода в псковско-новгородском диалекте имелись два близких консонантных сочетания – [ш'т'] < **skj*, **stj*, **sk'* и [ш'к'] < [ш'ьк'], выражавшиеся, помимо специальных обозначений – *шт* и *шк*, общей графемой *щ*, что, вероятно, способствовало установлению дублетности и между диграфами.

О дальнейшей судьбе [ш'т'] в псковском говоре позволяют судить некоторые примеры, содержащие рефлекс **skj*. Берестяные грамоты в данном аспекте, к сожалению, неинформативны, так как единственный отраженный в них рефлекс **skj* – суф. -ищ- – постоянно пишется через *щ*: *клѣтище*, *веретища*, *Городищемъ*, *городищане*, *избоищанѣ*, *портище*, *посълищеньхо*, *трѣтъище* (см. словоуказатель в [33]). Несколько более показателен материал псковских частных грамот, весьма безыскусно – видимо, в силу их глубокой "провинциальности" – передающих живую диалектную речь. Так, в позднем (1679 г.) списке с псковской пергаменной грамоты XIV–XV вв. отмечен следующий контекст: А завод той земли и воде от плава по Дубовизскую межу по мху около беревиц межъ беревец *игришке* да по мху в Визуи ручей ПГ № 19. Семантика слова *игришке* осталась непонятной издателю грамоты и не разъяснена в [35]¹²; можно, однако, а priori утверждать, что оно является обозначением места. Поскольку же для *nomina loci* суф. -ище был продуктивным [38], правомерно, думается, восстановить "словарную" форму данного существительного в виде *игрище*, отождествив его тем самым со словом, отмеченным в иркутских говорах в значениях "место, где играет рыба, мечущая икру; место, где скапливается много рыбы" [39] (сообщение А.А. Зализняка).

Второй пример с рефлексом **skj* – локатив от топонима в *Жеремийках* ПГ № 25 (список ок. 1669 г. с грамоты 70–80-х гг. XV в.). На то, что это существительное изначально имело суф. -ищ- (*Жеремийи*), а не -ишьк-, указывает флексия -ях, возможная только после мягкой основы; правда, в древненовгородском диалекте МП от **Жеремийьки*, исконно выглядел бы как **Жеремийькѣхъ*, что в условиях псковского заударного яканья дало бы -кѣхъ (ср. *со Гургямъ* ПК № 11), – однако в конце XV в., а тем более в конце XVII в. старое окончание МП мн.ч. в псковском говоре уже бесспорно было вытеснено инновационной флексией -ах, ср.: *оу Зряковичах* ПГ № 33, в *Овсицах* (2 раза) 34, в *Устьях* (2 раза) 35, на *Пропастяхъ*, въ *Овсицахъ* ППК, 156.

Близость псковских грамот к народно-разговорной речи дает основания предпо-

¹¹ Ср. взаимные переходы [г'] и [к'], д' и [т'] в памятниках и русских и украинских говорах [17, с. 132–133; 26, с. 164, 199], например, русск. [к'а]жело, [к'е]сто, поч[к'и], [к'е]лерь [34], [г'е]ль [24, с. 243].

¹² Как, впрочем, и форма *беревецъ*, которая, вопреки Л.М. Марасиновой (ПГ, 180), отмечена также А.А. Потемной (название урочища у *Бервецъ* [36]) и явно восходит к слову *бервь*, толкуемому В.И. Далем как "лава, кладка, мостки" [37].

ложить, что по крайней мере в XV в. первоначальный псковский рефлекс анализируемых йотовых сочетаний – [ш'т'] – уже совпал с [ш'к']. Дальнейшая эволюция взрывного привела к его отвердению, засвидетельствованному ярким примером из Погодинского списка (№ 1413) Псковской I летописи (вторая пол. XVI в.): а миръ *облеская* лживыми словесы 136 – т.е. *обльщая* [19, с. 86] (мена с и ш перед к представлена также в формах *оускоуевъ*, *пусками*, *Масковича* [19, с. 84]). Этот пример, содержащий рефлекс **stj* в виде [шк], был сопоставлен Н.М. Каринским с *сустрѣкати* других списков Псковской I летописи. Таким образом, мы вновь возвращаемся к древнекривичским континуантам **tj* и **dj* в позиции после гласного.

Самым ранним известным науке отражением данных сочетаний является финское заимствование из псковско-новгородских говоров – *kaatio* "штаны", соответствующее пск. *gati* [14, с. 135], общерусск. (ныне диал.) *гачи*, сербохорв. *gaće*, словен. *gaće*, чеш. *hase* < **gatj*- [40, с. 21]. Наиболее вероятный прототип финского -*ti*- – не [č] (который, как сообщил нам Е.А. Хелимский, скорее дал бы *s*), а [t'] – и, следовательно, в эпоху заимствования кривичский рефлекс **tj* отличался от инодиалектного восточнославянского [ч']¹³. Вопрос в том, откуда возник кривичский [т']. Привыкнув к мысли о предельной архаичности древненовгородского диалекта, мы, пожалуй, могли бы предположить, что данный звук непосредственно отражает первую стадию изменения праславянского **tj* > **t'* (resp. **dj* > **d'*). В пользу этого положения говорит значительная древность формы *kaatio*, свидетельствующая о наличии [t'] в псковском рефлексе **gatj*- еще до начала кривичско-финских контактов (VII–VIII вв.) или, по крайней мере, до заимствования данной лексемы, также едва ли позднего. При такой трактовке древнекривичский рефлекс выступает как чрезвычайно архаичная форма. С другой стороны, не вызывает сомнения тот факт, что подобная эволюция (или, точнее, задержка в эволюции) не согласуется с псковско-новгородскими результатами йотовой палатализации других согласных, указывающими на отсутствие сколь-нибудь существенных различий между кривичским и инославянским развитием. Особенно показательны в данном аспекте псковско-новгородские рефлексы **uj* и **mj* – [л'] и [н'], возникшие не непосредственно из йотовых сочетаний, а из их общеславянских континуантов – биконсонантных групп **vl'* и **ml'* (с. 202–204). Аналогичные биконсонантные группы, по всей видимости, развивались у славян и на месте **tj* > **t'š* и **dj* > **d'ž*; именно эти сочетания послужили общим источником и для аффрикат [č], [ž], закрепившихся в сербохорватском, и их континуантов – словен. [č], [j]¹⁴, и для западославянских аффрикатизировавшихся и отвердевших **ts*, **dz* > [c], [z], и для южно- и восточнославянских **t'š*, **d'ž*, которые в дальнейшем претерпевали либо метатезу ([ш'т'], [ж'д'] в старославянском), либо аффрикатизацию (**t'š* > [ч'], **d'ž* > [д'ж']), либо элиминацию одного из элементов (**t'š* > [т'], **d'ž* > [д']/[ж'])¹⁵. Именно последний способ – устранение шипящего – допустимо реконструировать для севернокривичских а также для части сербских (и, возможно, македонских) говоров, впоследствии преобразовавших [д'] в [г'], а [т'] – в [к'] (**med'ž'a* > **med'a* > *meža*, **svě't'š'a* > **svě't'a* > *svěka*).

Восстановление ступени **t'š*/**d'ž* поддерживается и явным изоморфизмом изменений **tj*/**dj* в позиции после гласных (сонантов), с одной стороны, и после спирантов, с другой. В том случае, если бы мы признавали для праславянского только первый этап

¹³ Соотнесение пск. *gati* со "вторичным переходом *k' > t'*" [14, с. 136] маловероятно, так как указанный переход, во-первых, характерен прежде всего для новгородских говоров, а не для псковских [28, карта 68], а во-вторых, датируется весьма поздним периодом после изменения [кы] > [к'и] (не ранее XIV в., см. [33, с. 119]).

¹⁴ Подробнее о различных южнославянских рефлексах см. [40, с. 233].

¹⁵ Ср. аналогичное изменение **vl'*, дающего в отдельных языках и диалектах либо [v'], либо [l'].

эволюции сочетаний зубных с *j (*stj > *st' и *zdj > *zd'), было бы трудно объяснить последующий переход *s и *z в шипящие, который, очевидно, обуславливается не ассимиляцией спиранта мягкому дентальному, а уподоблением его находящемуся после зубного шипящему: *st's' > *š't's', *zd'ž' > *ž'd'ž' – так же, как это происходило при первой палатализации в группах *sk' > *st's' > *š't's' и *zg' > *zd'ž' > *ž'd'ž' [41]¹⁶ (ср. позднее отсутствие ассимиляции [с] и [з] перед [т'] и [д'] на фоне изменений типа [сл']em > [ш'л']em). Следовательно, превращение *s и *z в *š и *ž определялось в сочетаниях с зубными тем, что эти зубные – как ранее и заднеязычные – в соединении с *j изменялись в биконсонантные группы, включавшие мягкий шипящий. Однако вопрос о качестве данного шипящего, выделившегося из сочетания дентального с *j, следует, вероятно, оставить открытым: в эпоху обособления праславянского диалекта это мог быть еще общий для всех славян звук типа *š/*ž либо, скорее, уже общий для большинства восточных и части южных славян звук *š/*ž; при первом решении изначальная севернокривичская рефлексация *tj/*dj отражает общеславянскую архаику, при втором – представляет праславянский диалектизм. Но в обоих случаях упрощение биконсонантной группы в *t'/*d' должно быть отнесено к весьма раннему и краткому периоду между распадом праславянской общности (гипотетически V в.) и эпохой активных кривичско-финских контактов, тогда как фонетическое сближение мягких зубных с мягкими заднеязычными может датироваться, в свете отмеченного выше факта раннего использования *ц* для обозначения [ш'к'], временем не позднее XII в.

В рамках предложенной интерпретации декларируемое С.Л. Николаевым кривичское изменение *tj > [к'], *dj > [г'] предстает как обозначение завершающей стадии в процессе постепенного перехода от дентальных к гуттуральным, причем, что немаловажно, перехода не уникального, а исторически и типологически обоснованного, хорошо вписывающегося в общеславянский контекст¹⁷.

Необходимо подчеркнуть, вместе с тем, что указанные рефлексы *tj и *dj, судя по всему, не пользовались широким распространением в древненовгородском койне, которое определенно усвоило только одно сочетание – [ж'д'], передававшееся на письме с помощью *жг*. В целом же мягкие зубные и, позднее, мягкие заднеязычные сохранили узкую псковскую локализацию. Показателем их неупотребительности в древненовгородском диалекте – во всяком случае, после гласных – служит отсутствие написаний с *т* или *к* в таких чрезвычайно частотных позициях, как суффикс антропонимов *-ич(ь)* (< *-itj-) и формы настоящего времени глагола *хотѣти* (в ГрБ – только от основы *хоч-/хоц-*, см. [33, с. 303; 1, с. 342]). Все опубликованные до сих пор берестяные грамоты однозначно свидетельствуют и в пользу совпадения новгородского и общерусского рефлексов *dj; весьма симптоматичны в данном аспекте грамоты № 82 и 227 (конец XII в.), которые наряду с такими яркими новгородизмами, как *приедя*, *моега*, 3-е л. *выволоци*, ВП мн.ч. *доскъ* (82) и *моги*, *тога*, *хоце*, *дае*, *прашае*, *енюци* (227), демонстрируют resp. формы *со Давыжею* и *прихажаяи*. Правда, новейшие находки берестяных грамот позволили выявить один пример с *г* на месте *dj – форму *ноугене* (т.е. <нужнѣ>) в ГрБ № 717 (вторая половина XII в.), любезно сообщенной нам А.А. Зализняком, однако с учетом написания *пецалоуся*, видимо, передающего характерное псковское отвердение [л'] (см. [43]), эта грамота вполне

¹⁶ Ср. указание А. Лескина на "всеобщее правило, согласно которому первый из двух окружающих зубной неодинаковых сибилантов уподобляется второму" ("bei ungleichen einen Dental umgebenden Sibilanten der erste dem zweiten gleich wird") [15, с. 39–43].

¹⁷ Едва ли следует подробно обсуждать тезис Г.П. Пивторака [42], согласно которому *dj (а не группы с начальным *z) изменилось в кривичском з [ж'г']; привлекаемая для аргументации этого положения белорусская диалектная форма *джгadlo* не имеет никакого отношения к *dj, так как, по-видимому, восходит к польскому *žgadło (совр. *zegadło*), где *ž* < *g.

может быть отнесена к числу псковских. Знаменателен и тот факт, что разобранные выше единичные примеры с диграфами *шт* и *шк* (*ск*): *сонмиште*, *изоскърена*, *игришке*, в *Жеремийках*, *облеская* – представлены только в псковских текстах.

Наконец, примеры из памятников конца XVI – начала XVII в., интерпретируемые как отражение перехода **tj > [к]* (*соустрѣкали*, *примекат(ь)*), тоже ограничиваются псковским ареалом. Следует, впрочем, заметить, что возведение [к] в *соустрѣкали* к **tj* не кажется нам столь однозначным. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что инфинитив бесприставочного глагола, являющегося мотивирующим по отношению к префиксальному деривату с *су-*, дважды фигурирует в ППЛ, 95 в виде *стречати* (а не **стрекати*). С другой стороны, в ППЛ, 189 зафиксировано причастие *соустрѣкие*, в котором [к] никак не может быть объяснено из **tj*, поскольку соответствующий глагол (*сус[т]рѣсти*) принадлежал к I классу. Источником [к] в этом случае могло быть *-л*-причастие (*соустрѣкли* ППЛ, 220, [кл] < [тл]), под влиянием которого заднеязычный распространился и на второе причастие прошедшего времени. Не исключено и несколько иное направление развития: от *сустрѣкли* – к инфинитиву *сустрѣчи*¹⁸ и причастию *сустрѣкие* (по аналогии с *испекли* – *испечи* – *испекше*) и далее – к вторичному имперфективу *сустрѣкати* (по образцу *испѣкати*). Однако все эти объяснения, вполне вероятные для псковского ареала, уже едва ли применимы к смол. *устрекать*, *сустре(и, ю, я)кать*, зап.-брян. *стрэкать*, *сустрэкать* (Картотека Словаря русских народных говоров), белорус. *сустракаць* и под. [13, с. 545; 14, с. 133], для которых особая рефлексия **tj* столь же сомнительна, как и переход [тл] > [кл]¹⁹, и более правдоподобной представляется версия А. Вайана об образовании имперфективного глагола от вторичного инфинитива (*су*)*стречь* [45, с. 184], который, в свою очередь, возник, как можно предположить, в результате сокращения формы (*су*)*стретить*.

В целом же, на наш взгляд, *соустрѣкали*, *примекать* и сходные формы в современных говорах отражают не столько псковский архаизм, сколько гораздо более широкую по своей географической приуроченности инновацию – вторичное "выведение" заднеязычных альтернантов из форм с [ч], [ж] и [ш], представленных на месте **tj*, **dj*, **sj*, **zj*, **kj*, **gj*, **xj*, а также **g*, **k* и **x* в позиции первой палатализации. Так, например, образования типа *наmekать*, которые встречаются чуть ли не на большей части великорусской территории – от Новгорода до Рязани и Пензы и от Пскова до Владимира и Ярославля, произвольно включаемой в поистине безразмерный "кривичский пояс" [14, с. 137]²⁰, скорее всего передают общерусскую "этимологизацию" [к] из [ч] (см. [46, с. 74]): *наmekать* < *намечу* от *наметить*, – инспирированную такими давними альтернативными парами, как *нарикати* – *наричу*, *поникати* – *поничу*, *кликати* – *кличу*, *рыкати* – *рычу*, *пискати* – *пищу*. Непосредственным источником инновации в подобных случаях служили формы 1-го л. ед.ч., которые содержат шипящий согласный, амбивалентный с точки зрения происхождения, т.е. чередующийся как с [т] ([ст]), так и с [к] ([ск]), ср. *рискати* < *рищу* от *ристати*. При этом отнюдь не исключается сохранение исконного итератива на *-ать* с предшествующим шипящим, закономерно возникшим по йотовой палатализации: *встрекать* и *встречать*, *наmekать* и *намечать*; условия для такого

¹⁸ Допустимо предположить, что к вторичному инфинитиву *обрѣчи*, возникшему на месте *обрѣсти* под влиянием перфекта *обрѣк < обрѣклъ < *obrĕiti* (ср. лск. *перечок < перечтъль* [44]), восходит приведенная А. Вайаном, к сожалению, без указания на локализацию русская диалектная форма *обряку* [45, с. 183–184].

¹⁹ Нам известен только один белорусский диалектный пример изменения [дл] > [гл], однако он зафиксирован в польском заимствовании *вяглина > wĕdlina* [30, с. 176] и может отражать, ввиду наблюдаемого в польских говорах перехода [dl] > [gl] (см. [19, с. 186–187]), консонантизм польского источника.

²⁰ Удивительно, что говоры, якобы относящиеся к этому "поясу", не усвоили никаких иных псковизмов, несравненно более употребительных, нежели особые рефлексы **dj* и **tj*, – например, цоканья, соканья, отсутствия второй палатализации и т.д.

параллелизма сложились еще в древнерусском языке, где сосуществовали имперфективы типа *нарикати* – *наричати*, *поникати* – *поничати*, *кликати* – *кличати*, *рыкати* – *рычати*, *пискати* – *пищати*, *блискати* – *блыщати*, *трѣскати* – *трѣщати*. Для оппозиций типа *рогати* – *рожати* – *родити*, *встрекати* – *встречати* – *встретити*, *примекати* – *примечати* – *приметити*, *завекати* – *завечати* – *заветити*, первые члены которых столь эффектно вписываются в особую псковскую рефлексацию **tj*, весьма показательным в плане соотнесения с общерусскими закономерностями представляется сравнение с давним, зафиксированным уже в древнерусских памятниках рядом: *пукати* – *пуцати* – *пустити*, в котором форма с [к] ошибочно и избыточно – невзирая на сохранение первоначального образования с [т] – была "выведена" из формы с шипящим (*пуцу*) и стала, в свою очередь, производящей для девербативов типа *пук*, *пропуск* и т.д. Подобным же образом должен интерпретироваться, видимо, и восточнославянский диалектный глагол *прохати* < *прошу* от *просити* [10, с. 13; 8, с. 14]. Отличное по истокам, но идентичное по результатам явление – выравнивание основы по образцу существительных, сохранивших исконный заднеязычный, – наблюдается в присущей многим диалектам русского, украинскому и белорусскому языкам форме *слухати* (из *слушати* под влиянием *слух*), а также в псковских итеративах с суф. -а- от глаголов на -ити: *приукати*, *разлукаться*, *прирукати*, *потехаться* [47, с. 116] (ср. *наука*, *разлука*, *рука*, *потеха*; впрочем, для псковских форм с [х] возможно и фонетическое объяснение, см. ниже).

В условиях, когда неэтимологические заднеязычные "достраиваются" из шипящих даже при наличии форм с исконным зубным (*пукати* – *пустити*), вполне объяснимо "восстановление" [г], [к] и [х] в деэтимологизировавшихся корнях, потерявших чередование [ж], [ч] и [ш] с исконными [д], [к] и [с]: *пугати* < *пужати* в связи с утратой *пудити*; пск. *мехати* [47, с. 116] < *мешати* вследствие ослабления семантической связи с *месити* (ср. межславянскую изоглоссу **měxati* [вм. **měšati*] – **měsiti*, отраженную в древненовгородском глаголе *замѣхатися*, который реконструируется А.А. Зализняком на основе презенса *се замѣшаете* ГрБ № 318, сер. XIV в. [33, с. 163], словен. *měhati*, ст.-чеш. *měchati*, ст.-слвц. *měchat'* [46, с. 148–149]); *выпругати* < *выпружати* в пинежском и холмогорском говорах, утративших глагол *выпрудити* [48]; пск. *слукати*, *слукаться*, *полукати* < -лукати [47, с. 116]. История глагола *пужати*, вытесненного в литературном языке формой *пугати*, показывает, что образования со вторичными веллярными могут занимать место первоначальных йотовых итеративов; именно это явление отражают, очевидно, пск. и твер. *впекати* < *впечатати*, пск. *богати* < *божати*, вят. *надслегати* < *надслежати* [14, с. 134–135], а также только что рассмотренный архангельский глагол *выпругати*, который фиксируется в иных местностях, нежели *выпружати*.

Достаточно удовлетворительное истолкование и без обращения к специфическому рефлексу **dj* может получить диалектное существительное *надѣга* [14, с. 134], равно как и жаргонное *безнадѣга*, которые едва ли правомерно отрывать от укр. *одяг*, демонстрирующего все ту же ложную реституцию заднеязычного *en pendant* к шипящему по образцу давних чередований типа *тяжа* – *тяга* – (по)тягъ. Соотношение между словом *плечо* (*плечи*) и общерусским *подоплека*, диалектным *белоплекий* [14, с. 140], "восстановившими" неэтимологический [к], вполне укладывается, на наш взгляд, в корреляцию типа *очи* – *око* – *доброокий*, *лице* (при цоканье *лице*) – *ликъ* – *бѣлоликий*, *дичь* – *дикий*, *проции* – *прокий*, *печа* – (о)пека, *сѣчь* – (на)сѣка. Маловероятно, чтобы кривичское развитие **tj* > [т'] > [к'] > [к] было отражено в существительном *удика* и наречии *наудаку/навдаку*, представленных не

только в псковском диалекте [47, с. 117; 14, с. 134]²¹, но также, как показывают материалы Картотеки Словаря русских народных говоров, в говорах московских, ярославских, владимирских, пензенских, саратовских, тамбовских; гораздо более правдоподобна соотносительность формы *удака* vs. *удача* с вариантами типа *драка* – *драча*, (*про*)*тока* – (*водо*)*точа*, (*за*)*сѣка* – *сѣча* (см. [35, вып. 4, с. 349, 351; 49]), отражающими словообразовательную вариативность отглагольных существительных. Подтверждаемое данными Картотеки Архангельского областного словаря повсеместное употребление слова *ляга* в архангельских говорах, вряд ли столь уж массово связанных с кривичским наследием, ставит под вопрос преемственность [г] в этом существительном с постулируемой С.Л. Николаевым для псковского говора праформой **lędja* [14, с. 133].

Наконец, что касается "диалектного" происхождения литературных русских лексем *упрекать*, *попрекать*, *упрек*, *попрек* [14, с. 135], то, на наш взгляд, их связь с многочисленными и древними образованиями от корня *перек-/прек-* (см. [35, вып. 14, 18]) однозначно свидетельствует против отождествления с глаголом *прѣтити*, а следовательно, и с рефлексацией **tj*.

Проведенный в предшествующем изложении критический разбор диалектного материала, придававшего видимую убедительность оригинальной гипотезе о кривичском переходе **dj > [г']*, **tj > [к']*, преследовал своей целью показать, что появление твердых (но не мягких!) заднеязычных на месте шипящих представляет собой вторичный процесс, характерный не только для псковских говоров и даже не только для так называемого "кривичского пояса", но и для многих других территорий. Мнение о преобладающей роли псковского ареала в данном явлении обусловлено, как мы полагаем, относительно подробным описанием соответствующих эффектов в работах С.М. Глушкиной и С.Л. Николаева, но игнорирует аналогичные процессы, например, в архангельских говорах и, тем более, в других диалектах, для которых современная наука не располагает столь же фундаментальными лексикографическими описаниями, каковыми являются Псковский и Архангельский областные словари. Очевидно, накопление диалектного материала позволит взглянуть на проблему "восстановления" велярных альтернантов более широко.

В то же время неверно было бы отрицать, что в псковских говорах все же могли сохраняться некоторые следы древних диалектных рефлексов **dj* и **tj*. Наиболее бесспорным отражением [т'] из **tj* является, как уже говорилось, чрезвычайно архаичная форма *гати*, указывающая на то, что в позиции перед гласными переднего ряда мягкие зубные, исторически предшествующие мягким заднеязычным, могли сохраняться. Для позиции перед непередними гласными показательны формы *дожгоу* (vs. *одож(д)ити* и *бездожгие*) в Синодальном сборнике № 68/270 второй половины XV в., 119об [19, с. 106, 178] и упоминавшаяся выше *облеская* (< *обле[ш'к'а]я* < < *обль[ш'т'а]я*) в Псковской I летописи по Погодинскому списку № 1413. Эти примеры дают основания полагать, что не позднее середины XV в. в позиции перед [а] и [у] мягкие заднеязычные – континуанты [т'] < **tj* и [д'] < **dj* – в составе сложных консонантных групп [ш'к'] и [ж'г'] стали подвергаться отвердению – хотя, вероятно, не во всех псковских говорах одновременно, ср. сохранение [к'] и [г'] в формах *Жеремийках* (грамота конца XV в.), *не доезжая*, *сѣезжаяся* (Строевский список ПШЛ, 184, 193, 60-е гг. XVI в.). По-видимому, именно в таких изолированных, лексикализованных образованиях, как единичные слова с **zd*, **zg* или диалектные лексемы типа *напуга* "пресыщение" и *молога* "молодые растения" [14, с. 133–134], специфические кривичские рефлексy йотовых сочетаний с зубными и заднеязычными могли удерживаться особенно долго. Не исключено, что реликт [жг] содержится и в отмеченной А.И. Соболевским пермской форме *вожгалса* [18, с. 153], которая, воз-

²¹ Ср., в то же время, в разговорнике Т. Фенне. *vdatze* "удача" ТФ, 251

можно, отражает говор потомков псковских переселенцев; однако неясное происхождение геминаты в глаголе *вожжаться*, как и в существительном *вожжа*, исконно имевшем лишь один [ж] (ср. *вожѣ* в ГрБ), не позволяет делать здесь сколько-нибудь уверенные выводы.

Итак, мягкие зубные, появившиеся в результате упрощения биконсонантных групп $*r's' < *tj$ и $*d'z' < *dj$ и позднее переходившие (в позиции перед гласными непереднего ряда) в мягкие заднеязычные, должны быть признаны периферийной инновацией псковских говоров, типологически совпадающей, однако, с аналогичной эволюцией в сербских диалектах. Дальнейшая история этих звуков, не получивших, за вычетом рефлексов $*zgj$, $*zdj$, $*zg'$, заметного отражения в письменности, связана с двумя тенденциями: в отдельных формах в позиции перед непередними гласными они подверглись отвердению, а в большинстве случаев были заменены общерусскими [ж] и [ч].

5. В продолжение данного сюжета представляется необходимым сказать несколько слов о псковских диалектных (изредка встречающиеся и в памятниках) заменах [с/ш] и [з/ж] на [х] и [γ] (*смехно*, *пихъмо*, *выхла*, *пахол*, *кухнуть*, *спрахывал*, *принеху*, *махо*, *урать*, *ваγувать*, *награγувать* и мн. др. [47, с. 115–119; 14, с. 128–132]²²). Думается, что всеобщность этого перехода, прежде всего для инлаутной позиции, достаточно исчерпывающе объясняет, почему нам трудно согласиться с гипотезой о древнекривичском изменении $*sj$ и $*zj$ в [х'] и [γ'] (с. 200, ср. [14, с. 131]). Более вероятно, что здесь мы имеем дело с позднейшим фонетическим преобразованием [ш] > [х], [ж] > [γ], связанным, как можно полагать, с особой артикуляцией пилящих, которая была отмечена еще А.А. Потебней в детской речи: "...заставляешь произнести *пшеница*, выходит *пхеница*, *пахеница*, причем х может быть или звуком средним между ш и х, или чистым х" [10, с. 41]²³.

Тезису о происхождении новых веларных из $*sj$, $*zj$ противоречат примеры с итеративными глаголами на *-ивать*, праформы которых никогда не содержали суффикса $*j-eva-$, постулируемого ad hoc С.Л. Николаевым ($*vazjevatī$, $*prasjevatī$ и т.п. [14, с. 131–132]): во-первых, суф. *-ова-* вообще крайне редко использовался для образования отглагольных имперфективов [12, с. 275]; во-вторых, итеративы с суф. *-ова-* к глаголам IV класса исконно не образовывались от основы на *-и-* (ср. ст.-слав. *говѣзити* – *говѣзовати* [не $*говѣжевати!$], *хоуѣнти* – *хоуѣловати*, *красити* – *красовати* *са* [не $*крашевати!$], *коуѣнти* – *коуѣловати*, *зъловити* – *зълововати*, *жалити* – *жаловати* [50]); в-третьих, сравнительно редкие в древнерусском и присущие главным образом церковно-книжным текстам [51] глаголы на *-евати* типа *утѣсневати*, *въпрашевати*, *свъръшевати*, *услышевати*, *поспѣшевати*, *сѣгрѣшевати*, *раздрѣшевати* и т.п. [49] отражают отнюдь не первичные сочетания с $*j$, а замену древнейшего итеративного суффикса *-а-* (*-aj-*) на новый – *-ова-*, перед которым палатальный согласный, действительно возникший из сочетания с $*j$, сохраняется лишь как результат исторического чередования. Впрочем, как раз в псковском диалектном материале подобные глаголы присутствуют лишь в виде реконструкций С.Л. Николаева, который неправоммерно восстанавливает $*jeva-$ на месте реального *-ыва-*, вытеснившего первоначальный суф. *-а-* (*нахывать* < *нашивать* < *нашити*).

6. Блестящее открытие А.А. Зализняка, установившего для древненовгородского диалекта, в дополнение к известному изменению [вл'] > [л'], переход [мл'] > [н'], требует, как мы полагаем, дополнительной фонетической расшифровки: видимо, следовало бы подчеркнуть, что указанный переход осуществился не непосредственно,

²² Показательно, что субститутами общерусских [ж] < $*zj$ и [ш] < $*sj$ в псковских текстах регулярно выступают не *з* и *х*, а обычные "сокающие" написания *з* и *с*: *утвързены*, *показать*, *связеть*, *превозносямыш*, *козю*, *украшена*, *гласяеть*, *поясъть* [18, с. 125, 131–133, 139] и т.п.

²³ Ср. также произношение *мо[γъ]ти быти*.

а через стадию ассимиляции [л'] носовому [м] по способу образования ([мл'] > [мн'] > [н']). Именно такой промежуточный этап эволюции зафиксирован в типологически сходных украинских диалектных формах *ломн'у*, *кормн'у*, *скоромн'у* [52], а также в болгарском и сербскохорватском диалектном образовании *земня* [53] – между тем как в русских говорах наблюдается обратное явление – диссимиляция [м] и [н']: *помлю* вм. *помню* [24, с. 350]²⁴.

Трудно признать убедительным предположение о наличии "некоторой отдаленной связи" между изменением [вл'] > [л'] и [мл'] > [н'] и западнославянской утратой [l'] epentheticum (с. 204). Думается, что более уместно в данном случае было бы обратить взгляд на юг и сопоставить новгородско-псковские формы типа *Ярослалъ*, *напраливати* со старосербскими *Драгослаликъ*, *Градислалю* и др., а также с современными сербскохорватскими *забальати*, *црљен* (< *чървленъ*) [8, с. 21]. Любопытно, что А.И. Соболевский, кажется, впервые предпринявший такое сопоставление, в течение двух лет перешел от полной неопределенности в оценке соответствующих фактов к довольно решительному – на наш взгляд, излишне решительному – выводу. Так, в 1910 г. он писал: "Для нас остается вопросом, когда произошло опущение *в* перед *л* в русских говорах, с одной стороны, и в сербском языке, с другой, и насколько можно признать какую-либо зависимость между тождественными явлениями двух этих языков" [8, с. 21]. В 1912 г. он уже утверждал, что данное явление, как и номинатив ед.ч. мужского рода на *-е* (типа *Радое*, *Миливое*), "...ставят предка русских говоров кривичского происхождения также в связь с сербским яз(ыком) и предков позднейших кривичей в связь с предками сербов. Конечно, еще на доисторической территории славян" [55]. По нашему мнению, различные способы упрощения сочетаний губных с [l'] у южных, западных и восточных (не только кривичских) славян следует расценивать как проявление ранней (вероятно, дописменной) и типологически общей тенденции отдельных славянских языков и диалектов, которая находилась в тесной связи с упрощением других консонантных групп, образовавшихся в результате йотовой палатализации.

7. Таким образом, особенности, обнаруживаемые древненовгородским диалектом в реализации славянских палатализаций, могут быть сведены к двум явлениям. С одной стороны, наблюдается сохранение праславянской архаики, выражающееся в неразвитости слогового сингармонизма и, как следствие, в неактуальности фонетического эффекта первой палатализации для тех позиций, где она не имела праславянской основы, в неосуществлении второй палатализации и ее фонологического продолжения – второго этапа так называемой третьей палатализации. С другой стороны, псковско-новгородские памятники и говоры демонстрируют специфическое развитие праславянских результатов йотовой палатализации, проявляющееся в упрощении биконсонантных групп: **l's'* и **d'ž'* из **lj*, **dj* утрачивают фрикативный элемент, а **l'* и **ml'* из **vj*, **mj* – лабиальный элемент, причем в последнем случае место [л'], ассимилировавшегося носовому [м], занимает [н']. Все эти феномены, представляющие собой периферийные архаизмы и периферийные инновации, подтверждают своеобразие древних кривичских говоров в пределах восточнославянского

²⁴ Попутно заметим, что форма *доени* ГрБ № 437 < *доеми* является императивом не от *долти*, как в результате досадного недосмотра указано на с. 167 и 329 (1-е л. ед.ч. наст. вр. от *дояти* будет, разумеется, *доиму*, повел. накл. – *доими*), а от *доимати*, *доемлю*, ср. совершенно правильную квалификацию формы *ениоци* как образования от *имати* (с. 331) и *уемли* – от *уимати* [33, с. 302]. Упрек в "грубой ошибке", адресованный А.Б. Страховым А.А. Зализняку в связи с последней формой [54], приходится переадресовать самому критику, реконструировавшему фантастический инфинитив "уемлѣти", не просто образованный от основы настоящего времени, но еще и не отражающий перехода **ѣ* > **а* после **j*. Столь же неверен инфинитив "сыплѣти", восстанавливаемый американским славистом для императива *сыплѣ* в противовес абсолютно корректной форме *сыпати*, указанной А.А. Зализняком [33, с. 300]: как и другие глаголы III класса типа *скачати*, *вязати*, *дрѣмати*, глагол *сыпати* образовывал повелительное наклонение от презентной основы на **-j-*, перед которым конечный губной согласный основы изменялся в сочетании с *l'* epentheticum (а не "эпентетикум", как у А.Б. Страхова).

ареала и отражают некоторое типологическое сходство с состоянием, присущим иным славянским языкам, отчасти – западным, а отчасти – южным. Аналогичная ситуация выявляется и при обращении к другим фонетическим и морфологическим чертам, свойственным древненовгородскому диалекту. Но об этом – в следующей статье.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Янин В.Л., Зализняк А.А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1984–1989 гг.). М., 1993.
2. Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. I. М., 1988. С. 24–68.
3. Ильинский Г.А. Праславянская грамматика. Нежин, 1916.
4. Schmalstieg W.R. An introduction to Old Church Slavic. Columbus (Ohio), 1983. P. 82, 94, 96.
5. Aitzetmüller R. Altbulgarische Grammatik als Einführung in die slavische Sprachwissenschaft. Freiburg i. Br., 1978.
6. Погодин А.Л. Отзыв о сочинении Jalo Kalima: "Finnische Lehnwörter im Russischen" // Сборник отчетов о премиях и наградах, присуждаемых Императорскою Академиею наук. IV. Отчеты за 1909 год. СПб., 1912. С. 455.
7. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. III. М., 1987. С. 595.
8. Соболевский А.И. Лингвистические и археологические наблюдения. Вып. I. Варшава, 1910.
9. Колесов В.В. Историческая фонетика русского языка. М., 1980.
10. Потебня А.А. К истории звуков русского языка. II. Варшава, 1880.
11. Селищев А.М. Старославянский язык. Ч. I: Введение. Фонетика. М., 1951. С. 207.
12. Diels P. Altkirchenslavische Grammatik. Heidelberg, 1932.
13. Ляпунов Б.М. Отзыв о сочинении Н.М. Каринского: "Язык Пскова и его области в XV веке" // Сборник отчетов о премиях и наградах, присуждаемых Императорскою Академиею наук. IV. Отчеты за 1909 год. СПб., 1912.
14. Николаев С.Л. Следы особенностей восточнославянских племенных диалектов в современных великорусских говорах. I. Кривичи // Балто-славянские исследования. 1986. М., 1988.
15. Leskien A. Grammatik der altbulgarischen (altkirchenslavischen) Sprache. Heidelberg, 1909.
16. Селищев А.М. Очерки по македонской диалектологии. Казань, 1918. С. 132, 138.
17. Соболевский А.И. Лекции по истории русского языка. М., 1907.
18. Соболевский А.И. Очерки из истории русского языка. Киев, 1884.
19. Каринский Н.М. Язык Пскова и его области в XV веке. СПб., 1909.
20. Псалтыри / Описал В. Погорелов. М., 1901. (Б-ка Моск. Синод. типографии. Ч. I: Рукописи. Вып. 3).
21. Комарович В.Л. Язык служебной Октябрьской Минеи 1096 года // Изв. ОРЯС. 1925. Т. 30. С. 38.
22. Schachmatow A. Beiträge zur russischen Grammatik // AfslPh. 1883. Bd. 7. Hf. 1. S. 70.
23. Успенский Б.А. История русского литературного языка (XI–XVII вв.). Budapest, 1988.
24. Селищев А.М. Избранные труды. М., 1968.
25. Васильев Л.Л. С каким звуком могла ассоциироваться буква "нейотированный юс малый" (Ѧ) в сознании писцов некоторых древнейших русских памятников? // РФВ. 1913. № 1. С. 191.
26. Дурново Н.Н. Введение в историю русского языка. М., 1969.
27. Живов В.М. Правила и произношение в русском церковнославянском правописании XI–XIII века // R.Ling. 1984. V. 8. P. 257.
28. Диалектологический атлас русского языка: (Центр Европейской части СССР). Вып. I: Фонетика. М., 1986.
29. Vaillant A. Grammaire comparée des langues slaves. T. I. Phonétique. Lyon; Paris, 1950. P. 72.
30. Шахматов А.А. Несколько заметок об языке псковских памятников XIV–XV в. // ЖМНП. 1909. Июль.
31. Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Sv. 13. Zagreb, 1892. S. 283–284.
32. Дьяченко Г. Полный церковнославянский словарь. М., 1899. С. 128.
33. Янин В.Л., Зализняк А.А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977–1983 гг.). М., 1986.
34. Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров. М., 1970. С. 66.
35. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–18. М., 1975–1992.
36. Потебня А.А. К истории звуков русского языка. IV. Варшава, 1883. С. 33.
37. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I. М., 1955. С. 81.
38. Вайан А. Руководство по старославянскому языку. М., 1952. С. 232.
39. Словарь русских народных говоров. Вып. 12. Л., 1977. С. 72.
40. Porović I. Geschichte der serbokroatischen Sprache. Wiesbaden, 1960.
41. Ван-Бейк Н. История старославянского языка. М., 1957. С. 100, 111.
42. Півторах Г.П. Формування і діалектні диференціації давньоруської мови. Київ, 1988. С. 132–133.
43. Колесов В.В. К характеристике исходной палатальности согласных в древнепсковском говоре // Псковские говоры. III. Псков, 1973. С. 10.

44. Шахматов А.А. К вопросу о польском влиянии на древнерусские говоры // РФВ. 1913. № 1. С. 5.
45. Vaillant A. Grammaire comparée des langues slaves. T. III. Le verbe. P., 1966.
46. Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд. Вып. 18. М., 1993.
47. Глушкина С.М. Морфонологические наблюдения над псковскими говорами (Смягченные и несмягченные согласные в исторических чередованиях) // Псковские говоры. Л., 1979.
48. Архангельский областной словарь. Вып. 8. М., 1993. С. 113–114.
49. Indeks a tergo do Materiałów do słownika języka staroruskiego I.I. Srezniewskiego. Warszawa, 1968. S. 61.
50. Dostál A. Studie o vidovém systému v staroslověnině. Praha, 1954. S. 508–509.
51. Силина В.Б. История категории глагольного вида // Историческая грамматика русского языка. Морфология. Глагол. М., 1982. С. 173, 266.
52. Марчук (Бовтрук) Н.И. Форми І-ої особи однини дієслів теперішнього часу в українських говорах // Українська діалектологія і ономастика. І. Київ, 1964. С. 91.
53. Vasilev Ch. Verborgene Hinweise: Dativformen im Igorlied. Schwindendes *l*-epentheticum. 3. Sg. Imper. // Festschrift für Herbert Bräuer zum 65. Geburtstag am 14. April 1986. Köln; Wien, 1986. S. 690–692.
54. Страхов А.Б. Филологические наблюдения над берестяными грамотами: I–IV // Palaeoslavica. 1993. V. 1. P. 197.
55. Соболевский А.И. Лингвистические и археологические наблюдения. Вып. II. Варшава, 1912. С. 48.